

Юрий Пущаев, кандидат философских наук

Вспомнить всё

О христианском отношении к советской истории и Русском мире

Советская история — горячая тема. Как только о ней заходит речь, так сразу слышишь категоричные полярные суждения, которые напрочь лишают возможности задуматься, превращают любое обсуждение в митинг: либо «давайте

вернемся в наш золотой век», либо «как можно вообще спокойно говорить об этом ужасном тоталитарном времени?».

Фото Ивана Шагина/ФотоСоюз

К сожалению, все это не редкость и среди церковных людей. Наше отношение советскому прошлому остается преимущественно партийным и политическим, а не церковным и христианским. По большому счету, его еще только предстоит христианизировать и воцерковить. Ведь христианское восприятие истории не сводится к безусловному осуждению атеистической коммунистической идеологии, канонизации новомучеников, признанию беспримерной жестокости гонений на веру в советское время и скорби за Церковь, за страдания нашего народа (при всей нужности и необходимости этих шагов).

Патриарх в своей речи на Всемирном русском народном соборе 14 ноября 2014 года критиковал, в частности, тех, «кто не видит в советской эпохе ничего, кроме гонений на Церковь и политических репрессий...»

На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Черно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искаженную и разорванную картину истории, распада-

ющейся на отдельные куски, подобно разбитому зеркалу. Нельзя повторять ошибки тех, кто по меткому выражению Александра Зиновьева, «целился в коммунизм, а попал в Россию».

Мне кажется, нам во многом еще только предстоит совершить прорыв к советской исторической реальности, чтобы увидеть всю сложность того времени. В том числе и в церковной публицистике слишком часто встречается либо огульное, неразборчивое осуждение скопом всего советского периода (без внимания к разным его историческим стадиям и персоналиям), либо (конечно, реже) его апология вплоть до оправдания сталинских репрессий. Не лучше и бессильное молчание на эту тему, уход от насущных горячих вопросов и о нас сегодняшних. Ведь кто не понимает своего прошлого, обречен плохо встретить свое будущее.

Впору ставить вопрос о выработке христианской методологии, подлинно христианского подхода к советской истории и советскому прошлому. В его рамках, на мой взгляд, во-первых, абсолютно необходимо придержи-

ваться той христианской аксиомы, о которой слишком часто забывают, обсуждая советское время: разделять грех и грешника. Важно понимать, что большевики были не бесы, а одержимые бесами идеалисты. И, продолжая категорически отвергать грехи богооступничества, человекоубийства во имя «высоких» целей и так далее, мы все-таки не должны выносить окончательного суда относительно тех, кто был слишком горяч (не тёпел!) и поддался соблазну «провраться до правды», как сказал один из героев Достоевского. Это были живые люди, которые трагически ошиблись в своем понимании добра и зла. Они хотели «счастья для всех даром, и пусть никто не уйдет обиженный», и совершали так много зла во имя этого счастья для всех, но ни в коем случае для себя лично. В этом смысле нам надо пройти по лезвию бритвы, различая духов и отделяя грехи от грешников.

Во-вторых, надо разобраться в сущности того исторического греха, который сто лет назад совершили наши прадеды. Что это, собственно, было? Ведь нельзя не видеть в коммунизме и извращенное, искаженное религиозное содержание. Коммунисты решили, что пришла пора построить Царство Божие на Земле, и коммунизм и был этой грандиозной и трагической попыткой спустить Небо на Землю.

Очень важно то, что христианский подход к истории, достигни мы его, позволит нам быть реалистами, то есть увидеть и спокойно признать плюсы того времени. Ведь слишком часто из-за партийных пристрастий люди не готовы увидеть то положительное, что было в советское время (человеческую солидарность и величайшую способность к самопожертвованию, Победу и космос, теплое и уютное советское детство, и так далее). Другое дело, что эти плюсы, как две стороны одной медали, связаны с минусами, и тут опять-таки надо будет пройти по лезвию бритвы, отделяя грех от грешника, злое от доброго. Подлинная десоветизация, о которой часто говорят в определенных кругах, на самом деле возможна лишь через отдавание долга памяти минувшим поколениям и истории, только так она будет осмысленной и зрячей.

Я осмелюсь спросить: а разве Церковь не может, не должна в каком-то смысле простить своих мучителей и гонителей, видя в них трагически заблудившихся людей? Ведь так делал сам Спаситель на кресте! *Отче! прости им, ибо не знают, что делают* (Лк 23:34). По-христиански невозможно действовать по принципу «око за око, зуб за зуб». К тому же, и сама Русская Церковь в ее земной ипостаси оказалась в то время не на высоте исторической задачи, не смогла предотвратить сползание страны и народа к катастрофе. В том, что народ вдруг так стремительно расцерковился и перешел в другую, квазирелигиозную веру, была, наверное, и ее вина или оплошность.

То, что политические догмы и партийные пристрастия мешают нам видеть реаль-

ность такой, какая она есть, блокирует и вопрос о Русском мире, о котором тоже часто говорит Патриарх Кирилл. Как бы ни было трудно кому-то признать этот факт, он, Русский мир, несомненно, есть — хотя бы как культурно-историческая общность. Как говорил Маяковский по поводу поэзии, «существует — и ни в зуб ногой». Сама энергия его отрицания питается его несомненным, упрямым существованием. Но в силу партийности либо в упор не видят Русский мир, не признают самого его наличия. Либо кидаются за него в бой кипучий, защищая абсолютно всё в его историческом прошлом (в том числе опричнину Грозного или кровавые сталинские репрессии), не давая себя труда задуматься, что же он такое на самом деле и как нам его сохранить на нравственно более чистой основе.

Глядя на сегодняшние партийные битвы и политические ломания копий, хочется призвать помедлить, отставить в сторону партийную политику и сказать: «Давайте будем христианами. Только так мы станем и реалистами, а не историческими фантазерами». **Ф.**

«**Е**динство исторического сознания должно подерживать стремление преодолеть социальные распри. Навсегда должна остаться в прошлом имущественная пропасть между «барин» и «мужиком», как бы барин и мужик ни назывались сегодня. Это та пропасть, которая до начала XX века отличала дореволюционную Россию и становилась источником социального напряжения. Точно так же недопустимо и повторение антирелигиозных гонений, преследование людей за мирно выражаемые убеждения, подавление гражданских свобод. Однако нельзя соглашаться с теми, кто сводит нашу историю к одним лишь тяжелым и мрачным страницам. Подобные эпизоды были и в истории соседних цивилизаций. Даже такой радикальный западник, как Петр Чаадаев, видевший в нашем прошлом только «тусклое и мрачное существование», говорил, что «у России не одни только пороки, а среди народов Европы — не одни только добродетели». Великий же русский писатель и религиозный мыслитель Федор Михайлович Достоевский писал: «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, до которой он может подняться, когда придет к тому срок».

Патриарх Кирилл, из слова на открытии XVIII Всемирного русского народного собора, Москва, 11 ноября 2014 года